

Можно быть уверенным, что любой учитель, читая книгу, мысленно реализует трудный путь восхождения к своей профессиональной компетентности, испытав при этом чувство интеллектуальной радости и самоуважения.

А. Н. Шилина

Артемов В. А. Германия и Россия на изломах истории. — Воронеж: ВГУ, 2004. — 417 с.

Виктора Александровича Артемова не надо представлять. Как историк он известен в России и за ее пределами. Его работы, в основном по современной германской истории, востребованы и живут своей, отдельной от автора, книжной жизнью. В конце 80-х — начале 90-х г. прошлого века он заявил о себе и как талантливый публицист, откликнувшись в прессе актуальными статьями на очередной “российский излом”. Отдельные извлечения из них нашли отражение на страницах представляемой здесь книги. Скажем сразу: мы не считаем, что она “окончательный итог исследований и размышлений автора”. Впереди будут новые исследования, но не остановиться на данной монографии, которая является плодом глубоких размышлений Виктора Александровича, мы не можем.

В XX столетии Россия и Германия, не берем предыдущие века, где мы также отыщем русско-немецкую проблематику, без всякого преувеличения оказали большое влияние на ход истории. Немецкий политолог О. Ференбах пишет, что ушедший век было бы уместным назвать “германо-русским”, с чем согласен и профессор В. А. Артемов. Да, это влияние не всегда было позитивным, более того, оборачивалось вселенской трагедией, но время залечивало раны, а история, преодолев очередной “излом”, шла дальше. И не стоит винить в том народы, как это делает Д. Голдхаген в книге “Добровольные подручные Гитлера”. Ложность такой позиции убедительно доказывает В. Д. Артемов, ибо нет “коллективной вины” всех немцев в преступлениях гитлеровского режима (с. 238). Историк, подчеркивает воронежский ученый, должен внимательным образом относиться к прошлому, а общество, если это необходимо, находить в себе силы для его преодоления. Рецензия на книгу Голдхагена — это и пример другим авторам на тот случай, когда нужно дать взвешенную и аргументированную оценку, несмотря на неоднозначность исторического события.

О чем книга В. А. Артемова и каков ее жанр? В нее вош-

ли опубликованные ранее статьи, объединенные общей тематикой. Это вовсе не означает, что в ней нет новизны. Во-первых, многие статьи, опубликованные в свое время в региональных изданиях, так и остались недоступными для читателей и специалистов. Во-вторых, непреходящая актуальность освещаемых в ней историографических проблем, будь то российский большевизм или германский фашизм, процесс становления демократии в России или последствия объединения Германии, делает ее востребованной в учебно-преподавательской работе. Книга написана сравнительно-хронологическим методом. Ее содержание охватывает, по сути, весь XX в.: от революционных событий **1917–1918** гг. в России и Германии до оценки перспектив европейской интеграции после Маастрихта. При этом автор вводит читателя и в более ранние периоды российско-германских отношений, отмечая глубокую привязанность многих немецких исследователей к славянскому миру, как это показано, например, в фундаментальном труде профессора Берлинского университета им. Гумбольдта Герда Фойгта "Россия в немецкой историографии. **1843–1945**". Вместе с тем книга В. А. Артемова — это и личные воспоминания о прожитых годах, своих учителях и наставниках, заложивших в Воронежском университете традиции изучения немецкой истории, бережно сохраняемые и умножаемые профессором Виктором Александровичем Артемовым.

Центральное место в книге занимает революционная история. В ней автор находит ответы на непростые вопросы современности, в том числе "Был ли СССР социалистическим государством?". Действительно, революционные события, порожденные мировой войной, стали мощным катализатором в развитии европейской истории. Казалось бы, такая короткая дистанция "от российского Октября к немецкому Ноябрь", но какое переплетение всего и вся и прежде всего человеческих судеб! Вторая глава книги посвящена "левому радикализму" в России и Германии. Был ли большевизм только русским явлением? Нет, конечно. То, что политические идеи способны приобретать свое радикальное выражение и воплощение, в истории не ново, достаточно сослаться на революцию XVIII в. во Франции, именуемой "великой" именно за свой радикализм.

Да, ряд большевистских вождей: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Радек... более многочисленный и внушительный, чем левые в Германии. Но Ленин надеялся и считал, что именно германская революция станет основной частью мировой социалистической революции. Он страстно желал ее, истово верил, что она

придет. И в конце мировой войны, с восстанием моряков в Киле, она началась. Как и в России, матросы стали ее революционным авангардом, но горючего материала оказалось не достаточно, чтобы в 1918 г. Германия пошла по российскому варианту. Конечно, злодейское убийство Розы Люксембург и Карла Либкнехта обезглавило революционное движение. Однако революционные силы не были разгромлены. Профессор В. А. Артемов подробно освещает деятельность левых радикалов, организовавших свой кружок в Бремене еще в 1915 г. Заметной фигурой среди них был Иоганн Книф, к личности которого автор обращался неоднократно. Пропагандистская деятельность левых радикалов, особенно среди немецкой молодежи, способствовала росту антивоенных и революционных настроений. И все же, делает вывод В. А. Артемов, левый радикализм в Германии оказался в тулупе (с. 83–85).

По мнению автора, левые слишком многого ожидали от рабочего класса, недоценили демократию и парламентаризм. Все так. Но левые, чтобы оставаться левыми, не цепляются за парламентаризм. Российские радикалы в установлении диктатуры пролетариата оказались куда более успешными. Вот только последствия этого "успеха" до сих пор не изжиты. Болезнь оказалась вовсе не "детской"... Читая и размышляя над книгой, видишь, как немецкой социал-демократии, прежде всего ее правому крылу удалось ввести революционную стихию в русло демократического строительства. Свою роль сыграло то, что социал-демократия в Германии укоренилась в обществе и политике давно. Это в России она фактически началась в начале XX в., а там социал-демократическая партия была создана в 1869 г., но и до нее немецкие рабочие имели опыт организованной борьбы за свои права.

Две статьи в книге посвящены Фридриху Эберту. С его именем связано становление Веймарской республики — непродолжительной, но видимо закономерной вехе в немецкой истории. Как считает автор, Эберт вряд ли может быть отнесен к "великим политическим деятелям. Он не Бисмарк и не В. Брандт (с. 152). Неоднозначность оценок личности Эберта и его деятельности на посту рейхсканцлера и президента у исследователей не должна умалять его роли. В тяжелейшей экономической и политической ситуации Эберту удалось сохранить единство страны. А это уже немало.

Отдельная глава книги о Карле Радеке. Личность довольно противоречивая, в чем-то, быть может, даже отталкивающая

(автор пишет: "одиозная"), но многие события германо-русской истории сошлись на этой фигуре. Виктор Александрович — автор монографического исследования о Радеке¹. Вообще рассматривать "германо-русский век" через судьбы отдельных личностей является сильной стороной исследований профессора В. А. Артемова. "Циник и прагматик" — вот его краткое суждение о Карле Радеке, члене трех социал-демократических партий. К этому можно добавить еще и "игрок". О нем есть много разных публикаций. Были и такие, где Радека обвиняли в причастности к убийству немецких вождей Розы и Карла². В знании судьбы Радека с профессором не поспоришь, разве что мнения могут оказаться не совпадающими. Роден всегда страдал "революционным максимализмом", но это не мешало ему идти на союз с национальными силами в Германии в борьбе против Веймарской республики. Провал революционных надежд 1923 г. толкнул Радека к Троцкому, а Брандлера и Тальгеймера — к созданию оппозиционной КПП(О). Судьба в конечном счете обернулась против него самого.

Четвертая глава названа "Дискуссия о фашизме". О какой "дискуссии" идет речь? Столько их было в XX в. В книге Виктора Александровича речь идет о дискуссии внутри КПП, которая началась после сличения оппозиционных сил вокруг А. Тальгеймера и Г. Брандлера. Инициатором был Август Тальгеймер, вернувшийся в начале 1929 г. в Германию из "московской ссылки". Оппозиция — КПП(О) — расходилась с тельмановским ЦК КПП по проблемам формирования единого антифашистского фронта, лозунгам переходного периода, теории "социал-фашизма", оценкам фашизма и т.д. (с. 217). Автор считает, что Тальгеймер, принадлежа к основателям КПП, одним из первых осознал опасность национал-социализма и призвал к единому рабочему фронту. В журнале "Против течения" был опубликован проект платформы КПП(О). В дискуссию втянулись другие члены руководства КПП. Она показала, что единства по такому актуальному вопросу нет. Более того, пропасть между КПП, ее внутренней оппозицией, СДПП, другими левыми организациями только росла.

КПП и Коминтерн повели решительную борьбу против группы Тальгеймера и Брандлера как "традиционных носителей правого ликвидаторства и примиренчества" (с. 225). Можно, конечно, утверждать, что политика Коминтерна косвенно способствовала укреплению позиций национал-социализма. Однако все, как всегда, было сложнее³. Обращаясь к этой странице россий-

ско-германской истории, нельзя не упомянуть о письме Сталина "О некоторых вопросах истории большевизма", напечатанного в конце октября 1931 г. сразу в двух журналах: "Пролетарская революция" и "Большевик". Немало места в нем отводилось критике германских левых за их якобы явный и тайный оппортунизм. Ошибки, конечно, были, но Сталин фактически не увидел положительного вклада руководителей КПП. Огульная критика Розы Люксембург, обвинения ее в троцкизме были безосновательны и оказали пагубное воздействие на КПП.

В начале 1932 г. орган КПП "Роте фане" опубликовал обширную статью о письме Сталина и его значении для партии. "Ценные указания" вождя были взяты на вооружение. В партии последовали "разоблачения" в разного рода "уклонах", люксембургизме, центризме и прочем сползании к буржуазному (социал-демократическому) оппортунизму. Тон задавал Э. Тельман, который призывал к разгрому социал-демократии, без чего якобы нельзя разбить фашизм. Не отставал от него и В. Ульбрихт. На пленуме ЦК КПП в августе 1932 г. он настоял на том, чтобы использовать фактор письма Сталина в борьбе с оппозиционными деятелями внутри партии. И действительно, вскоре Г. Неймак и Г. Реммелс были удалены со своих постов⁴. Немецкие коммунисты сохраняли интерес к письму Сталина весь 1932 г., а это был последний год существования Веймарской республики. В январе 1933 г. к власти в Германии пришел Гитлер. На страну опустилась долгая коричневая ночь.

Впечатляет по содержанию и стилю изложения повествование "Две немецкие судьбы". На изломах истории предстают изломанные судьбы поэта-анархиста Эриха Мюзама и его жены Кресценции Мюзам. Поэтическая деятельность Мюзама была не лишена политики. Больше всего поэт любил свободу, которую еще нужно завоевать. Он не был ни социал-демократом, ни коммунистом. Политическими идеалами Мюзама были Кропоткин и Ландауэр, отсюда его увлечение анархизмом (с. 270). Революционные устремления привели Мюзама в ряды активных борцов за Советскую республику в Баварии. Не остался он в стороне и в борьбе против фашизма. Итог этой борьбы печален. Мюзам погиб в 1934 г. в лагере Ораниенбурга.

Судьба Кресценции Мюзам самым тесным и трагическим образом вплелась в российскую историю. После гибели своего мужа Ценцль попадает в СССР (была надежда опубликовать там часть наследия Э. Мюзама). Однако уже в апреле 1936 г. она была арестована, через полгода выпущена, но затем в ноябре

1938 г. вновь арестована по обвинению в связях с троцкистами. Из мордовских лагерей, куда она попала, удалось освободиться лишь в 1946 г. Через три года — новый арест, и только после смерти Сталина Кресценция Мюзам обрела, наконец, свободу, чтобы выехать в ГДР. Доживала как почетная вдова “пролетарского поэта”, без возможности говорить правду. Как пишет автор, попала в “жернова тоталитарной машины по истреблению инакомыслия” (с. 279). 10 марта 1962 г. Кресценция Мюзам умерла в возрасте 78 лет.

Заключительные главы книги посвящены послевоенной истории, становлению ФРГ, ее творцам, проблемам интеграции. Сейчас, спустя 15 лет после исчезновения ГДР, приходится согласиться, что с 1949 г. именно Западная Германия для большинства немцев оставалась “отечеством”. И все же не стоит игнорировать существование ГДР. Эта часть германской истории еще до конца не осмыслена.

В. А. Артемов предлагает собственную периодизацию истории ФРГ и связанных с этим основных проблем. С подходом автора следует согласиться, хотя в литературе, что естественно, встречаются и иные точки зрения⁵. Аналитически представлены ситуация после краха нацистской Германии, оформление альтернатив в немецкой истории. Выдающаяся роль Конрада Аденауэра несомненна. Читая знакомые сюжеты, вновь задумываешься о мудрости политика. Как писал О. Ференбах, немцам не приходится стыдиться за своих канцлеров, ибо в центре их политики стояли не пресловутые интересы кучки монополистов, как утверждалось в советское время, а государственные, национальные, созидательные цели и интересы.

Аденауэр прочно стоял на позициях принадлежности ФРГ к западному сообществу. Отсюда его стремление отстоять право на членство в НАТО и ЕЭС. Тем самым развитие ФРГ органически вписалось в европейскую цивилизацию, с которой на сорок лет разошлась ГДР. Со временем именно Западная Германия превратилась в надежную опору западноевропейской интеграции. Отцы-основатели Аденауэр, Эрхард, Штраус, носители консервативной христианской идеологии и политики, оставили не только развитую экономику, надежную марку, привлекательную социальную систему, но и свои мемуары, книги, статьи и иные источники. Российским историкам предстоит еще многое осмыслить из их наследия. Это относится и к деятельности Гельмута Коля — “канцлеру германского единства”.

Политический портрет Коля, что так зримо дан в книге,

передает главные черты этого незаурядного политика. И нельзя не согласиться с автором в том, что "сейчас еще трудно объективно оценить все сделанное Колем на посту канцлера ФРГ" (с. 338).

Подчеркнем, что в первую очередь это относится к объединению Германии. Можно было включить в книгу портрет Эриха Хонеккера. Это не было бы нарушением "ряда". Без Хонеккера, его политики в 1980-е гг., когда был взят курс на расширение связей с ФРГ (по замыслам руководителя СЕПГ это должно было обеспечить выживаемость социализма на немецкой земле без всякой на то перестройки), процесс объединения невозможно реконструировать.

Становление европейской интеграции показано через личность Рихарда Н. Куденхове-Калерги. Для многих читателей это имя мало известно. Рихард Николаус граф Куденхове-Калерги родился в 1894 г. в семье австрийского немца и японки. В семье было семеро детей. Сам он потом говорил: "Как дети европейца и азиатки мы мыслили не национальными категориями, а континентальными: Азией и Европой. В наших глазах они были разными, но равноценными". С началом XX в. его общественная деятельность была направлена на пропаганду идеи единства Европы. Куденхове-Калерги, конечно, не являлся пионером в пропаганде этой идеи, но его деятельность совпала с формированием новой системы международных отношений после Первой мировой войны. Правда, первоначальные попытки обратиться к европейским правительствам оказались безуспешными. Как он сам говорил, ответы приходили, в основном, от "фантазеров и сумасшедших" (с. 358).

Заслугой Куденхофе-Калерги стала организация "панъевропейского движения". Вначале, в основном в Австрии и Германии, возможно еще и потому, что немалая часть населения надеялась на "аншлюс". Затем идея "пан-Европы" вышла за рамки этих государств. Ее поддержали во Франции, Чехословакии. Возможно, Куденхове-Калерги был неразборчив, когда обратился к Муссолини. Но в 20-е гг. итальянского диктатора поддерживали многие политики в Европе. В октябре 1926 г. в Вене состоялся первый конгресс Панъевропейского союза, в работе которого участвовали более 2 тысяч делегатов. Во главе "русской делегации", состоявшей из эмигрантов, был А. Ф. Керенский. Самому Куденхове-Калерги казалось, что "идея овладела массами", что в ближайшем будущем уже можно создать "европей-

ский федеративный союз". Однако реальная политика вела не к единству европейских народов, а к новой мировой войне.

Следовало, видимо, сказать, что Куденхове-Калерги действовал в тесной связи с масонскими ложами в Европе. Иного просто не могло быть. В рекомендательном письме Бенеша к виднейшим и влиятельным французским масонам Пенлеве, Бриану, социалисту Полю Бонкуру говорилось: "Брат Куденхове посвятил труд писателя осуществлению своей идеи объединению всех государств Центральной Европы, проект которого обрисован в главных чертах на страницах его знаменитой книги «Пан-Европа»"⁶. Символом панъевропейского движения стал красный крест на фоне лучей солнца. Успех графа во многом был обусловлен удачной поездкой в США, где ему удалось заручиться поддержкой президента Гувера, банкиров братьев Варбургов и других влиятельных американских масонов. В Англии к деятельности Куденхове-Калерги отнеслись прохладнее. Только Уинстон Черчилль разделил идею Соединенных Штатов Европы.

После Второй мировой войны Куденхове-Калерги поддержал создание Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), ставшего первым реальным шагом в западноевропейской интеграции. Время потребовало иных политиков, а сам процесс, в отличие от представлений графа, оказался более длительным и сложным. Но Куденхове-Калерги остался в истории как "выдающийся пионер объединенной Европы" (с. 371).

В. А. Артемов не останавливается только на освещении процесса становления и развития европейской интеграции. Автор подробно анализирует состояние современной историографии по данной проблематике. В книге критически представлены работы отечественных и зарубежных историков, экономистов, политологов. Историографические аспекты весьма уместны, они логически завершают исследование. В конце книги — интервью о жизненном пути ученого, сегодняшних проблемах преподавания и изучения истории, организации и ведения научно-исследовательской работы в вузе.

Вот на таком важном жизненном рубеже — 70-летнего юбилея заканчивается эта книга. Отечественная германистика пополнилась еще одним повествованием профессионального историка, известного ученого в назидание молодым коллегам — быть преданным своему делу.

¹ См.: Артемов В. А. Карл Радек: Идея и судьба. Воронеж, 2000.

² См.: Фельптинский Ю. Был ли причастен К. Радек к гибели К. Либкнехта и Р. Люксембург? // Вопросы истории. 1997. № 9–11; 1998. № 2;

Петелин Б. В. Ноябрьская революция в Германии и "российский след" // Молодая гвардия. 1999. № 5.

³ Опубликованные коминтерновские документы показывают, насколько руководство ВКП(б), лично Сталин курировали КПГ. См., например, письмо И. А. Пятницкого И. В. Сталину с приложением информационной сводки о положении в КПГ от 10 мая 1932 г. (Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943 гг.: Документы. М., 2004. С. 655–660).

⁴ В Политбюро ЦК ВКП(б) с особым беспокойством отмечалось, что, несмотря на осуждение левосектантской группы Неймана–Реммеле, в руководстве ЦК КПГ продолжались трения, а ИККИ и ЦК КПН с большим трудом вели поиск и разработку политики, способной создать единый фронт против фашизма. См.: Там же. С. 667.

⁵ Ватлин А. Ю. Германия в XX веке. М., 2002; Шульце Хаген. Краткая история Германии / Пер. с нем. М., 2004.

⁶ Соловьев О. Ф. Масонство в мировой политике. М., 1998. С. 110.

Б. В. Петелин

Культура взаимопонимания и взаимопонимание культур: В 2 ч. / Воронежский межрегиональный институт общественных наук / Под ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой. – Воронеж: ВГУ, 2004. – ч. 1. – 219 с. ч. 2. – 225 с.

Вышедшая в свет коллективная монография "Культура взаимопонимания и взаимопонимание культур", несомненно, стала значимым событием для современных гуманитарных штудий. Мы знали о готовящейся публикации и с интересом ждали ее, в том числе в связи с тем, что в ней большое внимание уделяется вопросам бытования немецкой культуры и немецкого языка в современном мире. Монография не обманула наших ожиданий. Концепция этого двухтомника – новаторская и строго научная одновременно. Широкий охват отраслей гуманитарного знания (от лингвистики и лингводидактики до педагогики и искусствоведения) и тем вполне закономерен и оправдан широтой семантики термина "культура", вынесенного в заглавие монографии. Существует около двух сотен определений культуры, и, действительно, культура является сквозным понятием, пронизывающим все сферы жизни общества, в том числе сферу коммуникации. Последняя, в свою очередь, также отличается широтой и многозначностью, и изучение ее требует междисциплинарного подхода.

Материалом для монографии послужили доклады участников международной конференции "Условия взаимопонимания в диалоге", состоявшейся на романо-германском факультете ВГУ в декабре 2002 г. и организованной Воронежским МИОном. Выходу в свет данной монографии предшествовал ряд других